

ПОБЕДИТЕЛИ

Рассказы о войне
и мире

**Андрей Лосев
Виктор Акатов
Нина Веселова
Виктор Елманов
Анастасия Астафьева**

**Победители. Рассказы
о войне и мире**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54164985

ISBN 9785449867643

Аннотация

В книге представлены 18 рассказов современных костромских авторов, членов Союза российских писателей, об участниках Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., о труде в тылу, послевоенной мирной жизни, об армии и Вечной Памяти о Великой Победе. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

Виктор Елманов	5
Карьер	7
Письмо	20
Тик-так, тик-так, тик-так...	29
Нина Веселова	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Победители

Рассказы о войне и мире

Союз российских писателей

Кострома

к 75-летию Великой Победы

Авторы: Елманов Виктор, Веселова Нина, Лосев Андрей,
Астафьева Анастасия, Акатов Виктор

Редактор Виктор Сергеевич Елманов

Корректор Нина Павловна Веселова

© Виктор Елманов, 2020

© Нина Веселова, 2020

© Андрей Лосев, 2020

© Анастасия Астафьева, 2020

© Виктор Акатов, 2020

ISBN 978-5-4498-6764-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Виктор Елманов

Родился в 1949 году, окончил ГИТИС, Высшие театральные курсы. Живет в Костроме. Режиссер, редактор авторских программ телерадиокомпании «Русь». Заведующий кафедрой журналистики КГУ им. Н. А. Некрасова (2003—2015), доцент кафедры медиакоммуникаций и туризма КГУ (с 2015). Автор книг «Ты слышишь ли меня?», «Прикоснется ко мне...», «Это я, сразивший чудовищ», романа «Женищина ХР», пьес для театра кукол и драматического театра, радиопьес. Режиссер и сценарист документальных телефильмов и полнометражного художественного телефильма «Оборона деревни Ляпёйкино». Лауреат фестивалей «Моя провинция», «Телефорум», «Негровое кино», «Сталкер». Член Евразийской Академии Телевидения

и Радио.

Карьер

Господи! Зачем Ты посылаешь нам войны? Зачем подвергаешь нас этим страшным испытаниям? За какие грехи тяжкие льётся кровь наша? В чем провинились мы пред Тобой?

В августе сорок первого на юге Украины, неподалёку от города Умань, в глиняном карьере оказались свыше пятидесяти тысяч наших военнопленных... Свыше пятидесяти тысяч!..

Александр Васильевич Калашников тоже попал тогда в этот карьер. Случилось это так: четвёртого августа сорок первого года его ранило, а на следующее утро он и другой раненый, который представился как Яшка-моряк из Баку...

А. Калашников:

– У него было ранение в руку, до самой кости всё вырвано, и там его беспокоили опарыши, вот эти черви белые, толстые. Они ему не давали спокойно даже посидеть. Он всю ночь ходил... Я хоть прикорнул немножечко, прямо на полу, там ничего не было. Прямо на чистом полу... А утром он пошёл, не вытерпел, рано-рано утром пошёл и вскоре вернулся возбуждённый и говорит: «Всё! Все снялись. Мы остались одни, никого нету!..» Ну, мы-то уже знали, что кольцо сжимается, и предчувствие, конечно, было, что всё, мо-

жет быть, плохо кончится... И что нам оставалось делать? Ну, вышли на улицу, думали, в доме нас всё равно найдут, если чего. Может, скрыться куда? А по селу уже пули свистят, можно и шальную поймать. И тут как раз у нас на пути два таких, знаете, на поверхности земли погребка сделаны. Закрыты землёй, такой треугольный шалашик, и туда дверка. И там холодно, туда продукты кладут селяне. И вот мы туда забрались в один из них. Сидели там не очень долго. Слышим – бой идёт всюду уже на дальнем конце села, потом ближе к нам. А потом открывается дверка, и большой, здоровый – банально, но это было действительно так – рыжий немец. С закатанными рукавами, и автомат на шее висит. Долго он всматривался, солнышко там, не мог разглядеть. Разглядел. «Рус, раус! Выходи!»

На другой день, по-моему, нас повезли. На машину, крытый фургон такой, погрузили и повезли. Недолго мы ехали, привезли вот в эту яму. Так я там и оказался. Там уже много было...

– На ваш взгляд, сколько там было военнопленных?

А. Калашников:

– Трудно сказать, сколько было. Вы представляете, яма полтора-два километра по окружности. Если взять – это всё-таки большая площадь, да? Сколько туда можно загнать народу?.. Всё кишело сплошь. Ну, там, в яме, куда хочешь иди, а выйти нельзя – прямые стены... С одной стороны только маленький отлог, но тут солдаты с пулемётами. Пулемёты

были и по периметру.

Конечно, было зрелище впечатляющее. В то время ходил слух, что попало нас сто тридцать тысяч в этой Умани. Так ли это? По тому, что я после читал в немецких данных – девяносто тысяч, а наши писали – шестьдесят тысяч. Так что точно сказать, едва ли кто скажет.

– А что все делали днём – сидели, ходили, лежали?

А. Калашников:

– Ну, там лежало немного или сидели. Трудно сказать так вот в процентном отношении. А в основном двигались, постоянно эта масса передвигалась. И крик был. Потом я оценил, когда оказался в птичнике, что это был за крик. Кричали: «Кто из Москвы? Кто из Ташкента?» Искали земляков. «Кто из Баку?» Кто оттуда, кто отсюда. Каждый хотел найти родственную, земляческую душу, с кем можно было поделиться своей бедой, поговорить.

– Ну да, так вроде легче уже.

А. Калашников:

– Только глубокой, глубокой ночью успокаивалось. Тихо было. Где-то, может, часов после двух.

– Александр Васильевич, а вы кого-нибудь нашли в этом глиняном карьере?

А. Калашников:

– Меня пригласила одна группа людей, это было три-четыре человека. У них имелся запас концентрата горохового. Как они его протащили – не знаю, не помню. А у меня была

шинель, мне подарил один раненый, который был там, когда нас только взяли в плен в селе и собрали всех раненых к школе, во дворе. И вот мы лежали вместе. Я не знаю, кто он такой, его тяжело ранило в грудь. В общем, он плох был, и я ему, чем мог, помогал: воды принести и так далее. И когда уходил, он мне подарил шинель. Это была раньше офицерская шинель кавалерийская. Она была чуть ли не до пят. Как сейчас девчонки ходят в этих шубах. Вот такая шинель. Длинная, добротная. Но у неё недостаток был: не было рукавов. И этот недостаток оказался на пользу. Когда он мне её отдал, я с ней благополучно прошёл в яму. У меня её не отобрали. Была бы хорошая – отобрали бы, потому что у всех отбирали именно шинель, они знали – это спасение наше до некоторой степени. А мою шинель не взяли. Куда она без рукавов? Но она зато помогла... Мы собрались четверо, они меня пригласили, они тоже поняли. Я-то поначалу не знал ценность этой шинели, а потом узнал. Глина за день раскаляется до невозможности, жара – дышать нечем, там ведь ни ветерка нету на такой глубине. А как солнце зашло, глина быстренько остывает, а ночью такая холодюга, не знаешь, что делать. И вот жгли всё, что могли. А жечь нечего, шпалы доставали, из шпал костыли вытаскивали, а потом костылями ломали шпалы на щепочки... Портянки, обмотки, у кого какие тряпки лишние – всё в костёр шло, чтобы согреться. А я к этой группочке попал, мы в обед похлёбку сварим гороховую – правда, её немного было, растягивали, – а спать

ложиться, все на один бочок, друг к другу, этой шинелью накроемся. Нам её хватало на всех на четверых. И мы спокойно спали, только поворачивались по команде под этой шинелью.

– А вас отчаяние не охватывало, вы верили, что оттуда вырветесь?

А. Калашников:

– Я не думал. Я почему-то не думал об этом. У меня было, правда, такое, думка была. Я подумал про свою жизнь, вспомнил её, прошло через меня то, что было... Я подумал, конечно, я клятвы не произносил и не обращался к Всевышнему, а просто про себя подумал: «Во что бы то ни стало нужно вернуться домой!» И этого было достаточно.

– Была ли вода в этом карьере или ничего, кроме той лужи, о которой вы пишете в своих воспоминаниях? Она была большая?

А. Калашников:

– Нет. Очевидно, когда раньше брали глину, в этом месте взяли глубже, чем где-то. То есть получилась небольшая впадина. А от дождей она заливалась. А поскольку глина, вода никуда не уходила, она стояла. Но как вам сказать – примерно метров пять шириной и длиной так метра четыре. Вот такое озерко было. А глубина в самом глубоком месте не больше пятнадцати сантиметров. Глина, чуть-чуть дотронься до неё, она тут же поднимается таким мутным столбом. Ты взял воды, а где мне брать? Подальше – чище, я лезу дальше. А потом уже с ногами лезем. А кто придет позже

всех, тому брать одну глину с водой смешанную. Из мутной лужи черпали воду, кто пилоткой, кто банкой, кто ладонями.

– То есть эту лужу вычерпывали до дна?

А. Калашников:

– До конца. При мне она уже кончилась.

– Воды немцы не давали?

А. Калашников:

– Нет. Ничего.

Господи! Ты сотворил человека по образу и подобию Своему. Все мы дети Твои. Отчего же так низко падаем мы в деяниях своих? Терзаем друг друга хуже зверей диких.

Из воспоминаний Александра Калашникова: «Помню, один раз пошёл плотный дождь и на целый день. Люди, естественно, быстро придумали выход, как уберечься от дождя. Группами в разных местах стали подкапывать в глиняных стенах ниши. Грызли глину, кто чем мог. Кто-то рыхлил глину ножами и ложками, другие – голыми руками, отбрасывая глину подальше. Углублялись до трёх-пяти метров, а может быть, и дальше. Дело не в этом, а в скорбном финале. Дождь лил без остановки. В открытые ниши людей набилось много. Вода потихоньку делала своё дело: глиняная стена обвалилась, похоронив всех оказавшихся в подкопах».

А. Калашников:

– Откапывать было бесполезно. Обрушилась такая махина!

– То есть всех задавило?

А. Калашников:

– Задавило, конечно, всех. А потом, кто там откапывать будет и чем откапывать? Сам каждый думает, как бы выжить самому-то. Слава богу, что я не попал туда, не спрятался от дождя.

– Евгений Долматовский в своей книге «Зелёная Брама» пишет, что в Уманской яме умирало в день по восемьдесят-сто человек. Они там оставались или их выносили из ямы?

А. Калашников:

– Выносили. Они сколько-то лежали времени. Тот, кто был ближе к подъёму из карьера, обращался к немцам, что, мол, там покойники лежат, они уже пахнут на жаре. Да немцы и сами видели, и там периодически вытаскивали. Назначают: ты, ты и ты, тащи. А там подводы ждали.

– А таскали как, за ноги, за руки?

А. Калашников:

– За ноги, за руки, кто как. Если уж очень, то... Очень-то тяжёлых не было. Вот тащили. Там ожидали подводы конные, грузили, как дрова, а уж куда увозили – не знаю.

– Немцы фотографировали наших военнопленных, снимали на киноплёнку. Вы тоже описываете несколько подобных случаев, один даже с расстрелом.

А. Калашников (открывает записную книжечку):

– Вот спуск. Они здесь спустились и до самой стены выстроились с небольшим интервалом и сгоняли в эту сторону. Сами двигались и сгоняли как можно плотнее. То есть отсюда они выгнали всех, погнали сюда, а потом команда: «Садись!» А наше место вот здесь было... Вот здесь офицеры на краю с фотоаппаратами. Вот такую они устроили шутку...

– А стреляли прямо в упор тех, кто не садился? В воздух не стреляли предупредительно?

А. Калашников:

– Первый был, когда была команда садиться. Многие ведь, основная масса не слышали. Потому что шум, кричат, не понимают, кто-то перекрикивается. Может быть, друг друга давят. «Куда ты прёшь?!» «И поэтому в многотысячной толпе в основном шум. И кто-то этой команды не слышал. То, что немцы, у них же мегафонов не было, они просто кричат: «Садись!» – и всё. Ах, вы не садитесь, сначала вверх разок, а потом – сначала сразу много поприсело, кто-то повалился – а потом уж они, тех, кто не подчинился, срезали. И много нарезали. Собирали, вытаскивали долго.

Матерь Божия! Заступись за нас! Ты видела, как рождались мы. Как матери наши качали нас на руках своих, пели песни, кормили молоком своим. Зачем они растили нас? Чтобы мы убивали друг друга?

– Нюрнбергскому трибуналу в декабре сорок пятого года был предъявлен протокол допроса, в котором говорится, что для военнопленных в Уманской яме готовили пищу в железных бочках. Было это?

А. Калашников:

– При мне единственный раз или два раза спустили кухни, вот эти солдатские кухни. Небольшие. Один или два раза. Один раз я попал. Не знаю как, но пробился к ним, чтобы получить этот черпак.

– А во что?

А. Калашников:

– В котелок.

– А там, наверное, и шапки подставляли?

А. Калашников:

– Кто чего.

– А он просто черпал...

А. Калашников:

– А он просто черпал и – подходи. Если уж ты прорвался туда, значит, у тебя что-то есть. А ему-то наплевать. Раз ты подставляешь, он наливает. И не глядит, кому, что налил, куда.

– То есть там была толкучка такая, что...

А. Калашников:

– Виктор Сергеевич, представляете, десятки тысяч народу! Голодных!

– А там, в карьере, не менялись: у кого махорка, меняюсь

на что-то?

А. Калашников:

– Менялись, что вы. Махали. Давай махнём? То-то на то-то, значит, не глядя.

– А что меняли? Махорку на хлеб...

А. Калашников:

– Всё меняли. И на хлеб, и на часы меняли. Какую-нибудь железку покажет: «Давай махнёмся. У меня часы». Махнулись. А он обманул.

– Драки были по этому поводу?

А. Калашников:

– Не знаю, не помню.

Из воспоминаний Александра Калашникова: «В один из дней немцы придумали ещё одну шутку. На краю ямы появилась большая группа офицеров с фотоаппаратами. В яму опустили двух полуживых кляч».

А. Калашников:

– Ну, спустили, подвели к отвесной стене там, где собрались офицеры с фотоаппаратами.

– И ушли сами?

А. Калашников:

– Нет, они чиркали.

– И реакция сначала у наших – никто ничего не понял?

А. Калашников:

– Ну, вначале – что за лошади, клячи еле живые, кости торчат и всё такое... Сначала растерялись: для чего это?

А потом они нам жестом показывают и говорили словами, что на обед.

– И началось там вот это... Начали их резать.

А. Калашников:

– Да. Вначале побаивались. Может, думали, какой-нибудь подвох. Бог его знает. А потом... Они там хохочут, как скажут: «На обед». Их хохот разбирает, а у нас-то совершенно другое было... Толпа... Вы представляете, несколько десятков тысяч! Какая толпа может вокруг клячонок образоваться, и что там было!..

Из воспоминаний Александра Калашникова: «Постепенно толпа, понимая отсутствие опасности, сжималась вокруг животных, которые, кстати, как загипнотизированные, стояли, опустив головы, словно чувствуя свою обречённость. Вдруг, словно по команде, толпа напала на лошадей. Началась невообразимая вакханалия... Бедных лошадей грызли зубами, рвали руками, а у кого были хотя бы маленькие ножки, вырезали большими кусками и прятали их тут же под гимнастёрку... До сих пор не могу забыть одного человека, еле вырвавшегося из этого живого месива... от подбородка до пояса он был в крови. У пояса, под гимнастёркой, чувствовался порядочный кусок добычи. Но главное не это, а его глаза. Они сверкали от счастья, и в то же время в них ясно виделись страх и растерянность».

Вот оно, самое страшное, что может сделать война: убить

в человеке человека.

Из Уманского карьера Александр Калашников был отправлен в концлагерь. Бежал. Снова попал в концлагерь. Чуть было не потерял зрение. В сорок втором году отправлен в Германию, где в лагере для военнопленных пробыл до весны сорок пятого. Бежал. После прохождения проверочно-фильтрационных пунктов прослужил год в отдельной истребительной противотанковой батарее. Вернулся домой в сорок шестом. Допросы. Подозрения. Клеймо военнопленного. Спустя лишь сорок лет случайно узнал, что ещё с 1965 года мог бы пользоваться всеми льготами участника Великой Отечественной войны. Выдали ему положенные медали, удостоверение участника войны. Рукопись о своей молодости, войне, о жизни после войны он заканчивает словами: «Я сделал всё, что мог». Может быть, они станут названием его книги воспоминаний.

А вот на домре, на которой играл когда-то с блеском в оркестре русских народных инструментов и объездил с концертами всю страну, играет редко.

– «Ave Maria» ваша любимая вещь?

А. Калашников:

– Нет.

– А почему вы решили её сыграть?

А. Калашников:

– Почему я решил?.. Мне просто хотелось... Я просто ре-

шил, я подумал, что я сыграю когда, это будет как память, то есть молитва о тех, которые не вернулись.

Отче наш. Ты сотворил свет и тьму, воздух и воду. Ты дал человеку душу и разум. Научи нас терпению и любви. Спаси нас от кровавых войн и насилий. Даруй мир нам! Даруй мир нам! Даруй мир нам!

Письмо

Лишь в конце октября Алексей Сафонов получил письмо, отправленное ему в начале августа. Конверт в долгих мытарствах фронтовой почты изрядно помялся. Алексей взглянул на обратный адрес, фамилию отправителя, в недоумении пожал плечами, потом распечатал конверт, достал письмо и начал читать.

«Здравствуй Алексей.

С приветом к тебе Женя.

Это письмо, наверно, тебя очень удивит. Может, ты будешь недоволен этим беспокойством. Но тогда извени меня, пожалуйста. Ты подумаешь, какое я имею отношение к тебе и почему я решила написать. Просто я увидела мать Юры и спросила проводили тебя на фронт или нет. Она сказала, что уже получили письмо от тебя и дала мне адрес твой. А я у ней спросила, может кто у тебя есть, в смысле девушка, и она тебе пишет, но она ответила, что нет у тебя никого.

Дела у меня идут по-старому, никуда кроме работы не хожу, сижу дома, да и некуда сейчас ходить – война.

Может ты задашь вопрос насчёт Тольки, то я совсем никакого отношения к нему не имею и не хочу иметь.

Но вот вроде всё пока.

До свидание.

С приветом Женя, надеюсь не забыл, хотя мы с тобой не очень хорошо знакомы, кроме у тёти Вали, когда я была у них. Но ничего, надеюсь будем очень хорошо знакомы, и конечно это будет и от тебя зависеть.

Ещё раз до свидание.

Жду ответа, если напишешь».

Алексей ещё раз посмотрел на обратный адрес и фамилию отправителя.

– Куликова, – прочитал он вслух. – Куликова... Кто это? – попытался вспомнить Алексей. – Куликова... Куликова... Куликова... – Но так и не вспомнил.

Вечером, когда взвод улёгся на ночлег, Алексей тихонько пробрался к железной бочке, которая заменяла в землянке печь, и при свете догоравших поленьев начал перечитывать письмо.

«Здравствуй Алексей.

С приветом к тебе Женя.

(«Женя... Женя... Нет, не знаю никакой Жени...»)

Это письмо, наверно, тебя очень удивит. Может ты будешь недоволен этим беспокойством. Но тогда извини меня, пожалуйста.

(«Кто-нибудь из нашего двора... Посматривала тайком...»)

Ты подумаешь, какое я имею отношение к тебе и почему

я решила написать. Просто я увидела мать Юры и спросила проводили тебя на фронт или нет. Она сказала, что уже получили письмо от тебя и дала мне адрес твой. А я у ней спросила, может кто у тебя есть, в смысле девушка...

(«Смело спросила!»)

...и она тебе пишет, но она ответила, что нет у тебя никого...

(«Откуда она знает мать Юрки?»)

Дела у меня идут по-старому, никуда кроме работы не хожу, сижу дома...»

(«А куда у нас и ходить-то было, кроме как в клуб на танцы...»)

Алексей вспомнил сизую от дыма курилку в клубе, толкотню в буфете, танцевальный зал с толстыми колоннами, высокую полукруглую эстраду, на которой важно восседали музыканты духового оркестра. Представилось ему, что стоит где-то в уголке зала эта Женя. Тихая. Скромная. Никто не обращает на неё внимания. Иногда она танцует со своей подругой, а потом снова одиноко стоит в уголке. И с такой отчаянностью вспыхивает иногда в её глазах надежда! Алексею стало жаль её. «Надо обязательно ответить!» – подумал он и продолжил читать письмо.

«Может ты задашь вопрос насчёт Тольки, то я совсем никакого отношения к нему не имею и не хочу иметь...»

(«Только?... Только... Ах, Толька! Только-художник!»)

Только прозвали художником за картины, которые он на-

учился писать масляными красками самоучкой. Сначала он дарил эти картины просто так, потом стал продавать. Брели их у него охотно. Как же, почти настоящие! Сюжеты картин были простенькие: лебеди, олени, сирень. Пробовал Толька писать и портреты, но заказчики, увидев своё изображение, почему-то наотрез отказывались от работ, а некоторые ещё и ругались. Продав очередного «оленя» или «лебедя», Толька-художник устраивал гулянку. До полуночи из его квартиры неслись звуки патефона, громкие возгласы и женский смех.

(«Какие же отношения могли быть между этой Женей и Толькой? Если она моя одноклассница, то он вдвое старше... Ах, вот кто эта Женя Куликова!..»)

Алексей вспомнил, как однажды, перед самым началом войны, зашёл к своему другу Юрке. У Юрки были гости.

– Толька жениться надумал. Смотрины. Вон эту... – Юрка показал глазами на розовощёкую девушку.

– Как яблочко! – наклонившись к Алексею, добавила Юркина мать. – Не для этого прохвоста Тольки!

Алексея удивило тогда, с каким отчуждением, даже враждебностью посматривала иногда Женя на своего жениха. Атмосфера была напряжённая, разговор никак не клеился и не мог перейти на самое главное, ради чего устраивалось это, как будто случайное, застолье: «ударить по рукам», договориться о свадьбе.

Юрка сунул Алексею гитару:

– Спой что-нибудь, а то сидим, как на поминках.

Алексей хотел отказаться, но, почему-то разозлившись на Тольку («Жених облезлый!»), стал петь, ухаживать за Женей, танцевать с ней под пластинки. Толька ревниво стрелял глазами и отворачивался. Когда Алексей собрался уходить, Женя на прощание протянула руку. Ладонь у неё была горячая, пожатие сильное.

«Может ты задашь вопрос насчёт Тольки, то я совсем никакого отношения к нему не имею и не хочу иметь», – перечитал ещё раз Алексей.

(«Видно, расстроились смотрины. Остался Толька при своих интересах!»)

«Но вот вроде всё пока, – дочитывал письмо Алексей. – До свидание. С приветом Женя, надеюсь не забыл, хотя мы с тобой не очень хорошо знакомы, кроме у тёти Вали, когда я была у них. Но ничего, надеюсь будем очень хорошо знакомы, и конечно это будет и от тебя зависеть.

Ещё раз до свидание.

Жду ответа, если напишешь».

«Обязательно отвечу! – подумал Алексей. – Обязательно!»

Он положил письмо в карман гимнастёрки, застегнул его, чтобы как-то случайно письмо не выпало, не потерялось.

Долго ещё Алексей сидел у железной бочки. Мысли кружились вокруг полученного письма, а потом вдруг, словно сама собой, начала сочиняться биография Женьки Кулико-

вой.

«Живёт с матерью... Отца нет и не помнит его... На лицо Женька хоть и не очень привлекательна, но фигурка у неё стройная... Послушная, работающая... Толька недаром на неё глаз положил... Сначала она дала ему от ворот поворот... Мать начала уговаривать: «Останешься бобылихой! Не из чего выбирать, а ты ещё выражаешь!» Женька сначала злилась: «Хочу, чтобы по любви!» А потом испугалась, что действительно останется бобылихой... Тольку, конечно, разрисовали перед ней: «Толковый. Интересно жить будешь. Ничего, что старше тебя – любить будет крепче! Хорошо зарабатывает: картинку намулелвал, вот тебе и живая копейка! Поживёшь. Дети пойдут. А там и слюбится!..» Ночью, перед смотрами, Женька, наверное, не спала. «Как же так, – думала, – ведь есть же на свете любовь! Как-то находят люди друг друга по любви!»

Алексей почти воочию представил, как собиралась Женя на эти смотрины. Долго сидела перед зеркалом, потом ещё дольше выбирала, что надеть из своего бедного гардероба. «Ну что, готова?» – заглядывая в комнатку, спросила мать. «Готова», – покорно ответила Женя и пошла к Юркиной матери.

«И вдруг такая встреча со мной!.. Влюбилась!.. Тольке отказ! Представляю, чего ей стоило написать мне такое письмо! Это же признание в любви! Надо обязательно ответить! Обязательно!»

Поленья в бочке догорели. Своё тепло и свет отдавали последние угли. Один из них светился особенно ярко, и Алексею казалось, будто где-то далеко-далеко в темноте светится настольная лампа. Свет от неё падает на руки и лицо пишущей письмо Жени Куликовой...

Утром взвод, в котором воевал Алексей Сафонов, принял бой. Танковую атаку немцев отбить не удалось. Бросив позицию, начали отступать за речку. В какой-то миг Алексей почувствовал, что его словно обожгло между лопатками. Ноги ослабли, он упал. Ему показалось, что земля перевернулась и он, оторвавшись от неё, полетел в пропасть неба.

...В полдень на месте утреннего боя стояла такая тишина, словно здесь никогда не рвались снаряды, не повизгивали пули, не лилась кровь людей.

Убитого Алексея обшарил немецкий солдат, полистал и выбросил солдатскую книжку, фотографию матери Алексея, конверт и письмо от Женьки Куликовой.

Письмо и конверт некоторое время лежали неподалёку от убитого Алексея. Дунул ветер. Конверт покатился, застрял в кустах высохшей полыни, а письмо, поднятое в воздух, долго кружилось, пока не упало на поле. Хмурые тучи двигались по небу, и письмо, казалось, вот-вот готово было заговорить с ними, поделиться своей думой.

«Здравствуй Алексей.

С приветом к тебе Женя.

Это письмо, наверно, тебя очень удивит. Может ты будешь недоволен этим беспокойством. Но тогда извини меня, пожалуйста...»

На мгновение из-за туч показалось солнце.

«Ты подумаешь, какое я имею отношение к тебе и почему я решила написать. Просто я увидела мать Юры и спросила проводили тебя на фронт или нет. Она сказала, что уже получили письмо от тебя и дала мне адрес твой...»

Вспыхнули яркой золотистой охрой оставшиеся кое-где на ветках кустарника редкие листья. Блеснули сквозь жёлто-коричневую высохшую траву пробивающиеся из земли стебельки молодой прозелени.

«А я у неё спросила, может кто у тебя есть, в смысле девушка, и она тебе пишет, но она ответила, что нет у тебя никого...»

Солнце опять зашло за тучи и стало ещё мрачнее и суровее, чем было раньше.

«Дела у меня идут по-старому, никуда кроме работы не хожу, сижу дома, да и некуда сейчас ходить – война.

Может ты задашь вопрос насчёт Тольки, то я совсем никакого отношения к нему не имею и не хочу иметь...»

Холодный сырой ветер, словно чугунное колесо, прокатился по полю. Всё ниже и ниже начали опускаться тучи.

«Но вот вроде всё пока.

До свидание.

С приветом Женя, надеюсь не забыл, хотя мы с тобой

не очень хорошо знакомы, кроме у тёти Вали, когда я была у них. Но ничего, надеюсь будем очень хорошо знакомы, и конечно это будет и от тебя зависеть...»

Несколько тяжёлых капель ударили по письму, рядом с ним, слегка припорошив его отскочившими от земли пылью и сором.

«Ещё раз до свидание...»

Пошёл дождь, всё усиливаясь и усиливаясь. К вечеру все слова на листке были размыты. И только в самом низу, на подвёрнутой полоске, можно было ещё прочитать одно предложение:

«Жду ответа, если напишешь».

Тик-так, тик-так, тик-так...

Валентина Михайловна не спала всю ночь. Ворочалась с боку на бок, включала свет, смотрела на будильник, потом выключала свет и опять лежала в темноте с открытыми глазами, вслушиваясь, как чеканит будильник да гремит иногда от тяжелых дождевых капель жезь на подоконнике. Когда рассвело, Валентина Михайловна задремала. Но ненадолго. Проснувшись, вздрогнула от испуга.

«Неужели проспала?!»

Взгляд метнулся в сторону будильника.

«Нет, еще рано...»

Валентина Михайловна облегченно вздохнула.

Побоявшись, что может заснуть снова и тогда уж проспать наверняка (на будильник она не надеялась), Валентина Михайловна поднялась, посидела немного на кровати, потом встала, подошла к окну и раздвинула шторы.

На термометре, что висел за окном, было плюс два градуса. Тротуар весь в лужах. Асфальт, словно маслом помазанный. Небо чистое, как яичко.

Валентина Михайловна прошла в другую комнату, раздвинула и там шторы на окнах, потом стала заправлять постель.

Когда покрывало было застелено ровно, без единой морщинки, подушки взбиты и уложены одна на другую как сле-

дует, Валентина Михайловна еще раз строго осмотрела кровать, поправила накидку на подушках и тогда только пошла на кухню. Включив газовую колонку, поставив на плиту чайник, пошла умываться.

Валентина Михайловна ровесница века. Она небольшого роста, ходит наклонившись вперед, словно какая-то тяжесть мешает ей выпрямиться. Валентина Михайловна вроде бы пытается сбросить ее, освободиться, но тяжесть эта давит с каждым годом все сильнее и ничего не остается, как покорно нести ее на своих плечах.

Тяжесть эта взвалилась на Валентину Михайловну в октябре сорок первого, когда был мобилизован ее единственный сын, Шурик (так она его называла всегда – Шурик). Когда паром, на котором ночью переправляли призывников на другую сторону Волги, начал отходить от берега, Валентине Михайловне показалось, что земля между ней и Шуриком треснула. Трещина с каждой секундой становилась все шире, пока та часть земли, на которой находился Шурик, не отодвинулась куда-то далеко и пропала в темноте ночи.

Потянулись побитые тягостным ожиданием дни. Иногда казалось, что время застыло, словно война остановила ход его могущественного механизма.

Первое письмо от Шурика, написанное карандашом на листке из блокнота, пришло спустя десять дней.

«Мама, здравствуй! Пишу тебе в дороге. Едем сейчас с ребятами в вагоне, в котором возили зерно. Спим на полу. Хо-

лодно, да ничего. Подобралась веселая компания из нашего города. Говорят, что мы едем... (несколько слов были зачеркнуты чернилами) ... проходить курс молодого бойца. Как приедем, напишу еще. По дороге видим много беженцев. Кричат нам, чтобы мы отомстили фашистам. Смотришь и думаешь... (далее, кроме последних предложений, было тоже зачеркнуто) ... До свидания, мам. Не скучай. Передай привет Светланке и скажи, что письмо ей я тоже отправил.

Твой сын Александр».

Валентина Михайловна носила письмо с собой, перечитывала его по несколько раз в день, тихонько поглаживая листок, словно гладила Шурика по голове.

Второе письмо пришло через месяц и было написано чернилами на бледно-синей бумаге. Читала его Валентина Михайловна с некоторой тревогой.

«Мама, здравствуй! Пишу тебе письмо из пункта Н. Извини, но это военная тайна, поэтому не называю его. У меня все хорошо. С утра и до вечера занятия: строевая, устав, учимся стрелять из винтовки, ползать по-пластунски, окапываться. Наш ротный старшина очень веселый человек, хотя на занятиях гоняет беспощадно.

Мама, я научился курить. Как-то все курят, а я вроде бы и не солдат. Тренер по волейболу, конечно, отругал бы меня за это и выгнал из команды. Вернусь после войны и брошу.

Скорей бы на фронт! Но еще впереди присяга, дорога, и только потом фронт.

Мама, а помнишь рисунок в «Крокодиле», когда наступал 41 год? Там был нарисован маленький ребенок, а на груди у него лента с надписью «1941 год». Ребенок в испуге закрывает голову, а внизу подпись: «Джентльмены! Где здесь ближайшее бомбоубежище?» Кто знал, что в этом рисунке английский художник будет пророком и для нашей страны.

Извини, мам, заканчиваю. Надо бежать на занятия. До свидания. Целую тебя. Твой сын Александр».

Дочитав письмо, Валентина Михайловна подумала, что, возможно, Шурик уже на фронте и уже воюет. У нее потемнело в глазах и она зашептала:

– Сыночек мой, будь осторожен! Будь осторожен!

Третье письмо пришло в январе сорок второго. Было оно написано карандашом на обертках из-под пшеничного концентрата.

«Мама! Здравствуй! Вот я и на фронте. Уже две недели здесь. Ничего, понемногу привыкаю. Старшина говорит, что я заговоренный, что меня пуля не берет. Это точно. Три раза в бою побывал, а только шинель пробило в одном месте да слегка руку оцарапало. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить!

Мам, а помнишь, как я ревел, когда мы переехали из барака в нашу теперешнюю квартиру? Жалко было обжитого места, представить себе не мог, как я жить буду в другом доме. Он мне казался чужим и враждебным. А теперь я с легкостью привыкаю к любой перемене. Здесь так любишь все живое! Даже смотреть, как качаются от ветра прутьики ку-

старника, и то очень радостно. Иногда, правда, бывает грустно. Хорошо, что рядом с нами старшина. Рассказал сегодня смешной анекдот. Два фашиста врываются в одну хату и видят на стене портрет Пушкина. Тычут пальцами: «Коммунист? Коммунист?» «Нет, – отвечает хозяйка. – Поэт... Стихи сочинял... Пушкин, Пушкин». «Пушки?! Рус артиллерийер?!» Схватили портрет и давай его рвать в клочья... Узнали нашу артиллерию, наших «катюш». Боятся одного звука!

Мам, если сможешь, сходи в военкомат и спроси, нет ли у них наставления по пулемету ДШК-12,7. Хочу сделать прибор, чтобы определять расстояние до самолета. Вместе с наставлением вышли, пожалуйста, таблицы тригонометрических функций. Если удастся сделать прибор, попробую бить по фашистским самолетам.

Мой адрес: Полевая почта, ФЧ/1526, мотострелковый взвод, действующая Красная Армия. Дай этот адрес и Светланке.

Вчера ночью ходили в баню. Далеко пришлось топтать по морозу, но вымылись хорошо. Жалко, заканчивается бумага, а больше нет. До свидания, мам! Не скучай! Целую тебя».

Больше писем не было. Ни писем, ни похоронки. Валентина Михайловна писала в разные инстанции, но кроме извещения «Ваш сын пропал без вести», которое пришло еще во время войны, о ее Шурике никто ничего не знал...

Умывшись, Валентина Михайловна надела темно-зеленое

платье и села пить чай.

Пронзительно зазвонил будильник. Валентина Михайловна обернулась и сердито сказала:

– Проснулся?.. Самовар!..

Будильник, действительно, походил на маленький пузатый самовар с никелированной крышкой.

Попив чаю, убрав со стола, Валентина Михайловна прошла в прихожую и посмотрела на себя в зеркало. Взяв огрызок черного карандаша, чуть тронула им брови. Потом хлопала по щекам ваткой с пудрой и начала собираться. Каждый год 9 мая Валентина Михайловна ходила в парк Победы. Здесь проходили в этот день торжественные церемонии, собирались фронтовики. Валентина Михайловна ходила по парку, вслушивалась в разговоры, спрашивала у воювавших о Шурике. Кто-то посоветовал ей: «Вы увеличьте фотографию сына, приклейте к ней табличку с надписью: фамилия, имя, отчество сына, где служил. Может, кто и вспомнит глазами-то...»

Фотографию Шурика Валентина Михайловна увеличила в фотоателье, а надпись на табличке попросила сделать соседа, он работал художником в филармонии. Сначала сосед сделал надпись черной тушью. Валентина Михайловна попросила переписать.

– Черная – это траур. А Шурик пропал без вести. Может, жив? А мы черным. Нехорошо. Давай, напиши вот этой, синенькой.

Сосед заартачился:

– Какой траур! Все такой пишут!

Валентина Михайловна достала из сумки бутылку вина и поставила ее на заляпанный красками стол. Сосед быстро переписал. Валентина Михайловна обернула фотографию с табличкой полиэтиленом, привязала веревочку. «Устану держать, повешу на шею».

Надев свое старенькое осеннее пальто с большими пуговицами и старомодную темно-вишневую шляпку, Валентина Михайловна положила в сумку фотографию Шурика и вышла из квартиры. Чуть приподняв дверь за ручку, закрыла замок, спрятала ключ в карман платья.

Громкое чириканье воробьев, яркое солнце – оглушили, ослепили ее на улице. Синее майское небо, отражаясь в тысячах луж и лужиц, делало их похожими на большие и маленькие оконца. Хотелось подойти и заглянуть: что же за этими оконцами?

Валентина Михайловна долго простояла у подъезда, любясь майским утром, а также решая, как ей лучше добратсья до парка Победы.

«На троллейбусе?.. Рано очень приедешь... Пешком?.. Хоть и хорошая погода, а грязь после дождя...»

И все же она решила идти пешком. Прямоком через овраг, мимо стадиона, через рошу, по набережной Волги, а там и до парка Победы рукой подать. Валентина Михайловна обошла дом, вышла на тропинку и, осторожно ступая, нача-

ла спускаться по ней в небольшой овраг.

На дне оврага росла густым кустарником верба. Весна сильно припозднилась в этом году. Серебристые почки на вербе, покрытые пушком, показались Валентине Михайловне такими беспомощными. Она погладила их, приговаривая:

– Озябли... Скоро тепло будет. Согреетесь...

Отдохнув немного, Валентина Михайловна поднялась из оврага. Подойдя к железной изгороди, которой был обнесен стадион, увидела в канавке мертвого голубя. Поодаль, внимательно наблюдая за Валентиной Михайловной, сидела ворона.

Живот у голубя был оголен и немного расклеван. Легкий ветерок гонял выщипанные перья то в одну сторону, то в другую. Безвольно запрокинутая голова мертвого голубя, окровавленный живот надсаживали сердце. Валентина Михайловна подумала, что вот так же, как этот растерзанный голубь, мог лежать где-то убитый Шурик. Слетелись вороны, расклевали, растащили его тело по кусочкам, косточки вымыл дождь, солнце высушило, и заросли они густой полынью. Валентина Михайловна достала из кармана платок и вытерла слезы. – «Ну, все, все, успокойся, а то вон как сердце начинает давить...» – И, чтобы отвлечься, стала смотреть, как по дорожке стадиона медленной трусцой бежал пожилой полноватый мужчина.

«Ах, бедняга! Мучает только себя!.. Врачи, видно, про-

писали бегать. Бегай не бегай, а от своих годов не убежишь. Старость, от нее лекарства нет...»

Эти размышления натолкнули на мысль, что ей, Валентине Михайловне Багориной, осталось жить очень мало! Так мало, что смерть может наступить каждую минуту. И она, Валентина Михайловна, не успеет дойти до парка Победы! А там сегодня обязательно должен быть кто-то, кто расскажет все о Шурике!

– Да нет! Нельзя мне сегодня умирать! Нельзя! Слышишь, ты, безногая! Неужели ты такая бессовестная! – зашептала Валентина Михайловна. Сумка выпала из ее рук, голова закружилась. Чтобы удержаться на ногах, Валентина Михайловна ухватилась за железные прутья изгороди. Ей показалось, что изгородь начинает клониться на нее. Валентина Михайловна закрыла глаза. – «Ну, вот и все... Отжилась...» – Почему-то представилось, как ее везут хоронить, а кто-то тихонько шепчет: «Вот, ждала сына и не дождалась... А он жив...»

«Да что это я!»

Валентина Михайловна резко открыла глаза. Неподалеку, на дорожке стадиона, девочка делала дыхательные упражнения; поднимая руки – вдох, опуская руки – выдох. Вдох, выдох. Вдох, выдох.

«Так и надо: вдох, выдох... вдох, выдох...» – подумала Валентина Михайловна. Пот выступил у нее на лбу. Она почувствовала, как от щек, от пальцев рук отхлынула кровь,

и лицу, и рукам стало холодно.

«Вдох, выдох... Вдох, выдох...»

Ноги ослабли. Ей хотелось сесть, но она удержала себя, вцепившись еще сильнее в железные прутья изгороди.

«Вдох, выдох... Вдох, выдох...»

Наконец ей удалось вдохнуть полной грудью. Раз. Другой. Третий... Слабость постепенно прошла. Валентина Михайловна разжала пальцы, подняла сумку и, опираясь об изгородь, сделала несколько шагов. Почувствовав уверенность, пошла, чуть придерживаясь одной рукой за железные прутья.

«Ничего, дойду... Вон уже и общежитие...»

Подойдя к нему, Валентина Михайловна остановилась передохнуть и замерла от удивления. Почти из каждого окна общежития смотрели на улицу куклы. Каких только не было! И тряпичные, и пластмассовые, и из какой-то пористой резины.

«Что же это за мода?!.. Куклы-то зачем?.. Чудно.. Как в детском садике...»

Было что-то в этом неприятное для Валентины Михайловны. Представилось, что стоят в окнах маленькие дети, бьют своими слабенькими ручонками в стекла и плачут.

«Они же разобьют стекла и порежутся!»

Из раскрытой форточки одного из окон первого этажа донесся девичий смех и крики:

– Светка! Светка! Ну, дай поспать!.. Чокнутая!.. Сейчас

огрею подушкой по голове!..

Стараясь не глядеть на окна, Валентина Михайловна прошла мимо общежития.

И лишь миновав рощу, она избавилась от неприятного ощущения, которое вызвали в ней куклы. Настойчиво повторялся в ушах только девичий смех, крики и имя – Света. Валентина Михайловна долго повторяла это имя... – «У Шурика была девушка, которую звали Светой...»

– Не Светой, а Светланкой, – поправила себя Валентина Михайловна.

Была Светланка веселая, неугомонная, говорливая! Валентина Михайловна, перебирая недавно вещи Шурика, нашла в учебнике по астрономии письмо от Светланки, написанное за год до войны.

«Шурка! Салют! Я в Москве! Была уже в Третьяковке, на Ленинских горах и на Красной площади! Красотища! Народу кругом! Так и бурлит все, так и бурлит! Машин – целый миллион! Страшно через дорогу переходить, спасибо, милиционеры останавливают этот бешеный поток и пропускают нас, бедненьких пешеходов.

Первый экзамен сдала на «отлично». Живу в общежитии, в небольшой комнатке. Со мной еще две девчонки. Ох и умницы! Не головы, а собрания сочинений в ста томах! Завтра устный по литературе. Уже трясусь! Опять всю ночь как на горохе ворочаться! Главное, не забыть дату рождения Крылова. Тысяча семьсот... ну вот и забыла! Фу, какая я ду-

рочка! Ладно, допишу письмо, тогда посмотрю в конспекте.

Приеду после экзаменов, ходим на Волгу, искупаемся. А то я здесь перекалилась от жары. Ладно?

Таньку не видишь? Смотри! Я ей ушки надеру за тебя! И тебе тоже!

Готовь оркестр для встречи! Я тебе купила книжки по твоей любимой астрономии и математике. Привет с кисточкой! Светлана».

Приходила Светлана к Валентине Михайловне и в войну, и после войны. Ждала Шурика до сорок девятого года. А там вышла замуж, уехала куда-то на Урал, писала оттуда еще лет пять, и все, вот уже какой год от нее никаких вестей.

«Жена найдет себе другого, а мать сыночка никогда!..» Правильно все. Живому жить хочется. Вот так, сынок. Только мать никогда тебя не забудет, потому что родился ты от меня, ты – моя плоть».

От рожи Валентина Михайловна свернула направо и по дороге, круто спускавшейся вниз, сошла к церкви. За оградой, окружавшей церковь, густо поднималась трава. Мрачно чернели стволами могучие вековые липы. Ослепительно сияли в солнечных лучах золоченые купола. Маленькой девочкой испытывала она в этой церкви страх. Особенно, когда звонили колокола. Казалось, что сейчас начнется пожар или еще какое-нибудь бедствие. Когда подросла, страх сменился любопытством. Потом – безразличием. И лишь после того, как она осталась одна с Шуриком, – отец погиб

в гражданскую, мать умерла от тифа, мужа в 37 году судили как врага народа, и он пропал бесследно где-то в лагерях Колымы, – отношение к церкви у Валентины Михайловны вновь изменилось. Она стала частенько приходить сюда, чтобы помолиться. Трудно сказать, да она бы и сама себе не ответила: верит ли в Бога или нет? – но это было единственное для Валентины Михайловны место, где она могла пожаловаться на свое одиночество, на так сложившуюся жизнь.

Перекрестившись, Валентина Михайловна обогнула церковь и оказалась на набережной Волги.

Поднимавшийся ветер рябил воду. Два рыбака сидели на берегу и не то рыбачили, не то любовались широтой разлива. Тарахтел у причала речной трамвай, покрикивали чайки. В лучах солнца поблескивала у берега тонкая полоска воды. Пустынный пляж сиротливо желтел песком. Здесь, на этом месте, недалеко от родника, Валентина Михайловна видела однажды, как купался в Волге Шурик. Плыл быстро, легко, нырял, фыркал... Вот он выходит из воды. Длиннющий, худой. Но руки и ноги крепкие, литые. Нос в веснушках, уши торчат... Валентина Михайловна даже остановилась, так ярко и почти реально представилось ей это видение.

«Как бы все было хорошо! Нет, надо же этой проклятой войне все изуродовать!»

Валентина Михайловна стояла на берегу, вспоминая ту октябрьскую ночь сорок первого, когда уплыл на пароме ее

сын, как она жила все эти годы после войны, вспомнила тот день, когда пришло с фронта известие о Шурике. Она бы еще долго стояла здесь, вспоминая то одно, то другое, если бы не увидела старичка в военной форме. Опираясь на костыль, с трудом переставляя ноги, старичок шел в сторону парка Победы.

«Не опаздываю ли я?!» – забеспокоилась Валентина Михайловна и торопливо зашагала вслед за старичком.

У входа в парк она остановилась передохнуть, унять поднявшееся волнение.

«А вдруг и вправду узнаю сегодня?»

В груди у Валентины Михайловны похолодело.

«А что узнаю?.. Если бы Шурик был жив, давно приехал... Значит, другое: что был убит... А может, тяжело ранен? Контузило так, что забыл обо всем, что раньше было... Есть же и фильм, кажется, такой... Не узнает меня... А потом я ему все расскажу, и он вспомнит. Может, у него семья, дети... Поняну хоть внучат!.. Один бы только денек пожить с ним рядом, увидеть его! Один денек!.. Или хотя бы знать, что он жив! Пусть только знать!..»

Она подумала, что даже если узнает о смерти Шурика – это будет лучше, чем неизвестность. Она заплачет его смерть и будет легче. С этими мыслями Валентина Михайловна и вошла в парк Победы.

Народу в парке было еще мало. За аркой входа две женщины торговали искусственными цветами.

Мемориал был отгорожен временным ограждением, за ним – солдаты, милиция. Валентина Михайловна достала из сумки фотографию Шурика, придерживая ее за краешек, прислонила к груди. Тут же, слегка покачиваясь, к Валентине Михайловне подошел парень лет двадцати пяти и стал рассматривать фотографию.

– А у меня отец там похоронен, – парень показал в сторону мемориала букетом из тюльпанов. – Положу вот цветы и уйду...

Не зная, что и ответить парню, Валентина Михайловна кивнула головой. Парень отошел к ограждению, начал о чем-то разговаривать с солдатами.

К десяти часам утра мемориал был окружен плотным людским кольцом. Чтобы лучше маневрировать, Валентина Михайловна держалась чуть в стороне от этого кольца. Всякий разговор о войне настораживал ее, она подходила ближе и внимательно слушала. Зачастую это были простые, мало героические рассказы, как, например, вот этого пожилого мужчины в черной фуражке.

– Высокая такая железнодорожная насыпь. По верху ее, как шмелиный рой, пули гудят. Высунуться нельзя. Командир кричит: «Вперед! В атаку!», а мы как приклеенные лежим. Страшно! Смелчак какой-то полез наверх, поставил пулемет, дал одну очередь. Смотрим, покатился вниз по насыпи. Убили... Второй полез – и второго нет, третий – и третьего... Командир какими только словами нас не обзывал!

И трибуналом грозил – ничего не помогает, лежим! Потом слышим, стихло немного. Потом совсем тихо стало. Ушли немцы... Вот тебе и первый бой...

Валентина Михайловна подошла к мужчине, показала фотографию Шурика.

– Может, встречали где? Багорин Александр... – ей показалось, что сейчас случится нечто важное. – Он тоже в стрелковом был... – ее охватило волнение. – На пулемете...

Мужчина долго рассматривал фотографию.

– Нет, такого не встречал... У нас совсем другая часть была... К нам молодежь присылали, но я такого не встречал... Мне самому-то тогда двадцать лет было, а пришлют молодых, они сначала беспомощные. Смотришь за ними, как за детьми. Успокаиваешь перед боем: «Не бойся... Пообстреляешься... Привыкнешь...» А потом смотришь после боя... – и, взглянув на фотографию Шурика, на взволнованное лицо Валентины Михайловны, мужчина так и не договорил, что было после боя.

В одиннадцать часов утра к мемориалу подошла колонна с военным оркестром. Прозвучал гимн. После гимна – залп из орудий. И пошел поток людей к вечному огню, что горел у главного памятника мемориала...

К часу дня людской поток схлынул. Временное ограждение вокруг мемориала убрали. Ушел военный оркестр.

Заметив у могилы неизвестного солдата группу пожилых мужчин, Валентина Михайловна подошла ближе. Они стоя-

ли полукругом и отвечали на вопросы молоденькой корреспондентки.

– А вы какой эпизод из войны помните больше всего? – обратилась корреспондентка к старичку с костылем.

Старичок переспросил несколько раз, потом прищурил глаза, как-то испытывающе посмотрел на корреспондентку и начал рассказывать:

– Весной сорок второго. После боя... Очухался, стал щупать себя. Голова, грудь. Все вроде цело. Хотел встать на ноги – не могу, ранены. Обе ранены. Кровищи в сапогах!.. Перевязал я их кое-как... Оглядываюсь кругом – никого. И не пойму: в какой стороне наши? в какой немцы? куда ползти?.. Надо, думаю, санитаров дожидаться, должны они после боя раненых собирать, а то уползешь еще к немцам...

Валентине Михайловне неожиданно представилось, что все это происходит с ее Шуриком, что это он, раненый, лежит на холодной земле, смотрит по сторонам, зовет, но никто не откликается.

– Стемнело уже, холоднее стало, подмораживает, – продолжал старичок с костылем. – Стал я вокруг березки ползать, чтобы не уснуть, не замерзнуть. Проползал всю ночь...

Валентина Михайловна увидела, как Шурик, собирая силы, снова и снова ползет вокруг березки. «Держись, сыночек! Держись!» – чуть было не крикнула она вслух.

– К утру слышу, какой-то шумок. Я притаился. Мало ли что! Может, думаю, их разведчики от нас лезут...

Потом слышу, матькаются... Извините, выражаются... Русские! Наши! Разведчики!

Валентина Михайловна облегченно вздохнула, вытерла набежавшие слезы.

– Двое их оказалось. Ползут от немца и тащат с собой языка. Я к ним: «Ребята, помогите!» Они мне: «Ползти можешь?» «Да вот, – говорю, – пока могу». «Ползи за нами, – говорят. – А чтобы не уполз куда в сторону, мы ветки будем втыкать, так ты по этим веткам и ползи».

Старичок тяжело навалился на костыль, костыль скрипнул, как скрипит сухое дерево.

– Пополз я за ними. Ползу по этим веткам, а уж совсем развиднелось, солнышко взошло... Как раз это, когда я через поле переползал, на самой середине, слышу, от немца самолеты летят. Штук семь их!.. Мне бы сразу притаиться, а я, как муха меня какая укусила, ползу и ползу. Скорей, думаю, в лесок надо!.. Один ихний летчик меня и заметил. Видно, подумал, что я разведчик, с задания возвращаюсь. Ну и давай он по мне стегать из самолета. Развернется, как коршун на меня бросится и из пулеметов: та-та-та-та! Мимо! Опять залетает, и опять по мне сечет!.. Никогда в Бога не верил, а тут ползу и молюсь: «Господи! Спаси и помилуй! Защити от пса! Не дай принять смерть от ирода!» Потом маленько очухался. Догадался. Саданул он по мне из пулеметов, я и притих. Лежу словно мертвый... Обманул гада! Улетел он!

Старичок достал платок, вытер пот со лба.

– Приползаю к нашим... Меня в госпиталь... Да-а...

Он еще раз мысленно прокрутил эту пленку-видение перед глазами и, очнувшись, проговорил, глядя на корреспондентку:

– Но вот этот самый вой самолета, который по мне строил на поле, запомнил на всю жизнь! До сих пор помню! Как приснится во сне, целый день потом в ушах стоит этот вой! Целый день!...

Корреспондентка торопливо дописала рассказ, поблагодарила участников беседы, и они все разошлись.

А Валентина Михайловна долго еще не могла успокоиться после услышанного. Перед глазами то возникала тоненькая березка, то кровавый след на мерзлой земле, то лицо Шурика с упреком в глазах: «Мама! Зачем ты родила меня? Помоги мне, мама! Спаси!»

К трем часам парк почти совсем опустел. Остался только почетный караул у Вечного огня. Но вот и почетный караул построился в колонну и, отпечатывая шаг по бетонной дорожке, ушел строгим маршем.

Валентина Михайловна долго еще сидела на лавочке, словно не веря в то, что и на этот раз ничего не узнала о Шурике. Ей казалось, что кто-то, вспомнив, вернется и все расскажет. Но время уже перевалило за четыре часа, а никто не возвращался. Валентина Михайловна поднялась с лавочки. Домой ехать не хотелось. Она постояла в нерешительности минут десять – «Куда ж теперь?» – и неожиданно решила

сходить на кладбище на могилку матери.

Кладбище было неподалеку. Валентина Михайловна прошла к могиле, придирчиво осмотрела оградку, фотографию на памятнике. Краска на ограде нигде не отшелушилась, а вот фотография сильно выцвела.

«Надо сменить... Завтра приеду и сменю... Цветочных семян прихватить... Нет, еще рано сажать, подожду. Пусть земля прогреется, как следует, тогда и...»

Валентина Михайловна нашла лопатку с обломанным черенком, подправила холмик пообсыпавшейся могилки. Качнула рукой лавочку и столик. Лавочка стояла еще крепко, а вот бревнышко, на котором держалась крышка столика, подгнило и вот-вот могло подломиться.

«Достать надо где-нибудь столбик... Схожу к соседу – он за бутылку достанет. И привезти поможет. А покрасить я и сама смогу!»

И вдруг подумала: «Так вот и умру, ничего не узнав о Шурике. И похоронить меня будет некому...»

С кладбища Валентина Михайловна заехала к своей давней подруге, Анне Кирилловне.

Анна Кирилловна очень обрадовалась, увидев Валентину Михайловну.

– Валя! Мы ведь с тобой лет пять не виделись!

Они поужинали. Вспомнили всех, кто работал в их бригаде на ткацкой фабрике. Потом разговор как-то свернулся, Анна Кирилловна включила телевизор, и они просидели

молча часа два.

Валентина Михайловна вышла от Анны Кирилловны, когда на улице было уже темно. Подморозило. Как-то очень ярко горели фонари.

...Медленно шла Валентина Михайловна от остановки к дому. Ледок на лужицах постанывал и хрупал под ногами. – «Как живые стонут». – Валентина Михайловна оглянулась. Продавленные каблуками лужицы зияли черными дырами. Такими вот черными дырами зияли во время войны разбитые окна брошенных домов. У Валентины Михайловны перехватило дыхание. С трудом дошла она до своего дома.

Двор показался Валентине Михайловне необыкновенно чистым и уютным. Она села на лавочку. Светил месяц. Из черноты неба выглядывали звезды. Валентина Михайловна долго смотрела на них.

«Вот бы у кого спросить... Они-то все видели, все знают...»

Валентина Михайловна сидела на лавочке, кутаясь в воротник, заложив пальцы в рукава. Становилось все холоднее. Надо было идти домой. Но ей так не хотелось! С трудом пересиливая нежелание, она все же поднялась с лавочки.

В подъезде был полумрак. Проходя мимо дверей соседней квартиры, Валентина Михайловна услышала музыку, говор, смех.

«Гуляют...»

Она грустно улыбнулась.

Валентина Михайловна долго искала ключ в карманах пальто, в сумке, хотя точно знала, что лежит он в кармане платья. Потом возилась с замком, хотя тоже знала, что он открывается, если чуть приподнять дверь за ручку.

Наконец открыла замок, вошла в квартиру.

Не включая свет в прихожей, заперла дверь.

Посмотрела в зеркало, но ничего кроме темного силуэта в нем не увидела.

Хотела подойти к окну и задернуть шторы, но так и остановилась посреди комнаты.

Она стояла посреди комнаты, изредка смахивая дрожащей рукой слезы. Казалось, что и кровать, и круглый стол со скатертью, и шкаф, и фотографии на стене, все они, как живые существа, с сочувствием смотрели на Валентину Михайловну.

Ей было нестерпимо обидно.

«За что же мне такое досталось?..»

Слезы из глаз ее катились все чаще и чаще. Она их уже не вытирала. Они капали на пальто, на пол.

С каким-то завыванием пронесся под окном троллейбус. Стало тихо-тихо. И, словно стучась в эту тишину, вбивая в нее удар за ударом, чеканил будильник: тик-так, тик-так, тик-так...

Нина Веселова

Родилась в Ленинграде в 1950 году. После учебы в Ленинградском госуниверситете работала в областной газете в Вологде. Закончила Высшие курсы сценаристов и режиссёров. Сняла несколько документальных фильмов для канала «Культура». Публиковалась в журналах и альманахах «Наши современник», «Север», «Памир», «Сибирские огни», «Дружба народов», «Сельская новь», «Мир женщины», «День и ночь», «Вологодская литература», «Паровоз», «Костромской собеседник», альманахе «Ты слышишь ли меня?» Финалист и лауреат нескольких литературных конкурсов. Автор книги о Василии Шукшине «Калина горькая» и романа в стихах «Ласточка». С 1991 года живёт в Нейском районе Костромской области.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.